

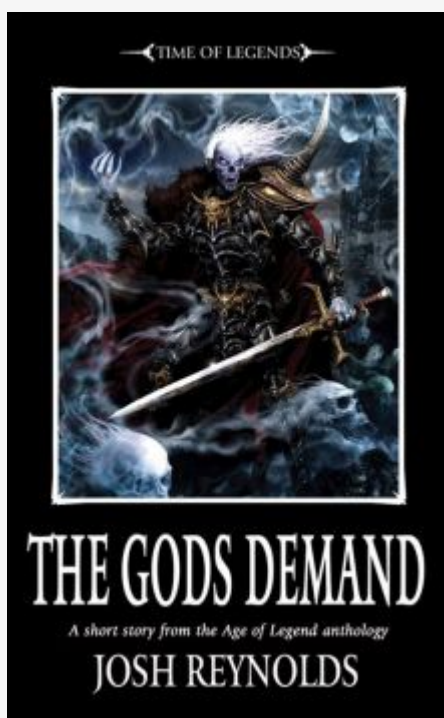
Боги требуют / The Gods Demand (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Боги требуют / The Gods Demand
(рассказ)

Автор	Джош Рейнольдс / Josh Reynolds
Переводчик	Serpen
Издательство	Black Library
Серия книг	Time Of Legends
Входит в сборник	Эпоха легенд / Age of Legend (сборник)
Год издания	2012
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

ВОРОТА распахнулись с громовым стуком, и участь Хергига была решена. Двадцать два дня столица Хохланда упорно сопротивлялась, но теперь всё было кончено. Ворота рухнули, сорванные со своих, выкованных гномами, петель под весом врезавшихся в них мутировавшей толпой огромных

свиноподобных чудовищ. Визжа и фыркающая, твари, размером не уступавшие амбару, ворвались в город, их когти высекали искры из камней мостовых, содрогавшихся под поступью тяжёлых шагов, а за ними шло боевое стадо Гортора Звериного Владыки.

Воюющие, блеющие зверолоуды хлынули в город, словно ожившая волна нечистот. Твари оттенков и форм, которые могли прийти в голову лишь безумцу, они потрясали ржавым оружием и ударяли им о грубые щиты, вымазанные в нечистотах, крови и внутренностях поверженных ими врагов. Неся грубые знамёна, на которых болтались головы орков и людей, они рванули вперёд, подобно силам природы, жестокие, дикие и непобедимые. И всё же, когда они ступили на предвратную площадь, люди Хохланда уже ждали их, выставив копья.

Первый ряд зверей с ходу насадил себя на копья, опустив их к земле, чтобы следующие за ними воины орды с ни на йоту не уменьшившейся силой набросились на копейщиков. Солдаты пали, когда твари обрушились на них, а оставшиеся в живых были постепенно оттеснены вглубь площади.

- Стоять! Держать позицию! - проревел Микаэль Людендорф, курфюрст Хохланда, раскалывая голову зверолоуда руноклинком, Проклятье Гоблинов. Вырвав необычно жужжащее оружие из бычьего черепа, он схватил ближайшего солдата и махнул окровавленным мечом перед носом человека. - Я сказал, держать позицию, дьявол тебя побери!

Копейщик побледнел и побрёл обратно, заняв свое место в рядах отряда, расстроенные ряды которого отступали в город в нарушение приказа Людендорфа. Курфюрст развернулся, когда очередной гор, быстро перебирая копытами, понёсся на него, сжимая в лапах грубое копьё. Вопя, как подыхающая лошадь, он прыгнул на Людендорфа. Выборщик увернулся с пути оружия и разрубил тварь на две половины, рухнувшие на залитую кровью мостовую. Создание несколько раз жалко дёрнулось в смертельной агонии, а потом сдохло. - Это мой город, - сплюнул курфюрст на дохлое тело. - Мой! - затем он повернулся к остальной части орды, что сомкнулась вокруг него, и, взмахнув мечом, взревел. - Мой!!!

Закованный в полную броню, покрытый кровью как врагов, так и своей собственной, Людендорф встал между отступающим войсками своей провинции и захватчиками и указал на ближайших зверолоудов руноклыком, на котором всё ещё оставались остатки бычьего мозга. Как и все руноклыки, он не был изысканным оружием, являясь вместо этого истинной квинтэссенцией сущности меча, и в этом он полностью соответствовал своему владельцу. - Кто первый? - взревел он.

Зверолоуды колебались. Рычание сотрясало разделяющие их несколько метров, а копья тыкали смрадный воздух. Красные глаза уставились на него, копыта стучали в камни площади. Ближайший зверь неуклюже гарцевал перед ним, то приближаясь, то бочком отступая назад. Мгновение, всего лишь миг, выборщик удерживал их одним лишь упорным нежеланием не отдавать ни пяди собственной земли.

Он скрестил взгляд с одним из самых крупных гор. Тварь обладала рогами, которыми мог бы гордиться и олень, и зубами, которым могла бы позавидовать даже пантера.

- Ты, ты выглядишь, как крутой зверь. Давай же, стань первым, - нетерпеливо крикнул выборщик.

Фыркнув, огромная зверюга атаковала. Его меч был стар, кончик давно срезан, и орудовал он им скорее с энтузиазмом, нежели с мастерством. Побитый щит Людендорфа поднялся, парируя удар, а меч ткнулся в выступающее брюхо твари с достаточной силой, чтоб добраться до почки. Вскрикнув, зверь попятился, открывшись для следующего удара. Меч графа взметнулся, вскрыв горло зверя, и тварь рухнула, захлёбываясь собственной кровью.

Стоя над подышающим противником, Людендорф ударил в свой щит, пытаясь скрыть гримасу от боли, вспыхнувшей в руке, онемевшей от силы удара создания. От этого звука зверюды отшатнулись. В задней части стада он услышал щелчки кнутов и рёв звериных вождей, пытавшихся восстановить дикое рвение, что ещё мгновение назад владело ордой.

- Хергиг мой! - взревел он. - Этот город, эта провинция - мои!

- Нет, - раздался глубокий рык. - Это Гортора.

Могучее создание протолкнулось сквозь ряды зверей, заставив их расходиться в стороны, пока оно шло к Людендорфу. Выборщик сделал бессознательный шаг назад, когда существо, известное как Владыка Зверей, предстало перед ним.

Создание являло собой воистину впечатляющее зрелище. Столь же огромный, как любой из трёх самых крупных членов его боевой орды, он представлял собой тварь из плитоподобных мышц и раздутого тела, с руками, как лопаты, и копытами - как наковальни. Татуировки и замысловатые клейма покрывали волосатую плоть, создавая узор, который, казалось, изменялся при каждом движении Гортора. В одной лапе тварь держала демоническое оружие, известное как Пронзатель - копьё с оголовьем из чёрного железа, на котором были вытравлены вопящие символы.

- Это всё Гортора, - повторил Владыка Зверей, глаза зверя светились совсем не звериным интеллектом. - Каждый клочок земли, каждый камень - мои. Так сказали боги.

- Твои боги, не мои, животное, - сплюнул Людендорф и приглашающее взмахнул мечом. - Что ж, тогда подходи. Давай потанцуем, ты - обросший дурень.

Готтор ответил мокрым смешком, звук из искажённой глотки существа показался странно гулким.

- Зачем? Ты - мёртв, а Горттор не сражается с мертвецами.

Лик Людендорфа искривила гримаса ненависти.

- Я не умру. Пока есть ещё хоть какой-то шанс - я не умру, - его горящие ненавистью глаза уставились на сброд позади Гортора. - Я прикончу вас всех. Я заставлю вас захлебнуться в собственной крови. Я возьму ваши головы и насажу их на колья своих стен! - крапинки пены собрались в уголках его рта, пока он проклинал их. Некоторые сжались от ярости в голосе человека. Некоторые, но не Горттор. Владыку Зверей сия речь не впечатлила.

Могучий повелитель орды ударил древком копья по камням площади.

- Какие стены, «большой человек»? Эти? - он поднял мускулистые руки и показал на стены за своей спиной. - Эти стены - Гортора! - словно в подтверждение этих слов, стаи вопящих гарпий спустились на стены, в то время как ещё большее количество лениво кружилось в задымлённых небесах, вонявших кровью и бойней. - Отныне этот город принадлежит богам, «большой человек». Мы разберём его по камешку и ваши черепа будут хрустеть под нашими копытами, когда мы станем плясать на его костях. - Горттор поднял кулак. - Склонись пред волей богов, «большой человек». Горттор не даёт пощады, но они могут.

Людендорф издал животный рык и ринулся в атаку, жажда убийства горела в его глазах. Горттор обнажил острые клыки и поднял Пронзатель. Но прежде, чем он успел сделать что-то большее, раздался винтовочный выстрел, разорвавший опустившуюся на площадь тишину. Горттор отшатнулся, взревев от

неожиданности, когда пуля из длинноствольной винтовки поцеловала его в морду, оставив капельку крови, как отметку. Его воины разразились какофонией воплей и рёва и рванули в атаку, окружая Людендорфа, в то время как гарпии отыскивали стрелка и вытащили его из укрытия. Пронзительные крики несчастного резко оборвались, когда крылатые твари разорвали его на куски и засыпали привратную площадь ошмётками его плоти и обломками его оружия. Внизу, курфюрст прорубался через площадь, разя врагов Погибелью Гоблинов, и спустя несколько секунд ему удалось вырваться из кольца, переступая через поверженных зверей, что из последних сил цепляли его за ноги в отчаянной попытке свалить своего убийцу.

Кровь застилала ему глаза, в ушах гудело от звона сталкивающейся стали и топота и воплей его врагов. Людендорф поднял меч. Улица под его ногами задрожала, когда что-то тяжёлое двинулось в его сторону.

- Ко мне! За Хохланд! - крикнул он. - Свои, ко мне!

- Уже здесь, мой граф, - приветственно выкрикнул голос. Людендорф стёр кровь и увидел знакомую фигуру Арика Крумхольца, Пса курфюрста и двоюродного брата Людендорфа. Он был худ, по волчьим поджарое тело было облачено в красно-зелёную ливрею и покрытые замысловатой гравировкой доспехи наивысшего качества. Одна облачённая в защитную перчатку рука сжимала Клинок Мясника, оружие, что полностью соответствовало своему имени. Это была грубая вещь, выкованная ещё во времена самого Зигмара - либо даже ещё раньше. В его лезвии не было изящества - оно должно было рубить и рвать плоть, не больше - но и не меньше. За ним шли Свои - одоспешенные меченосцы личной гвардии графа, облачённые в полулаты и надушенные одежды, с жестокими глазами солдат-ветеранов. Каждый нёс двуручный меч, стоивший как годовое жалованье обычного бойца ополчения. Фаланга больших мечей быстро приблизилась, и воины окружили своего курфюрста, в тот самый миг, когда улица задрожала под копытами приближающихся звероловов.

- Ты вовремя, - сказал Людендорф, резко ухмыльнувшись, когда Крумхольц обошёл его и заблокировал удар, который бы отрубил Людендорфу ноги по колено. Клинок Мясника запел, его зазубренное остриё выпотрошило раздутое брюхо зверолова и отшвырнуло его обратно в толпу сородичей.

- И оставить тебе всё самое интересное? Как я мог, Микаэль? - ответил Крумхольц. - К тому же, если бы ты не решил взять их всех на себя, то мне не пришлось бы приходить и вытаскивать твою задницу из огня.

- Знай своё место, дерзкий, - ответил Людендорф, вытирая лицо полуплащём Крумхольца. - Напомни мне, когда всё это закончится, чтоб я наказал тебя.

- Ты имеешь в виду, если мы победим? - ответил Крумхольц, с разворота снимая голову гора с плеч. Однако даже пока тот ещё падал, ещё больше зверей вливались на узкую улицу, подгоняемые своими вождями.

- Здесь нет «если». Меня не изгонит из моего города шайка зверей. Не после всего этого, - прорычал Людендорф. - Сомкнитесь, вы, ленивые ублюдки! - продолжил он, глядя на больших мечей, который обступили его, неожиданно обнаружив, что их оружие не шибко подходило для ближнего боя на тесной улице. - Приготовьтесь стать косою, что очистит город от сорной травы, коей являются эти парнокопытные варвары...

- Ты должен отступить, Микаэль, - прервал его Крумхольц. - В безопасное место. Мы здесь разберёмся.

- Отступить? Ты имеешь в виду - сбежать? - скривился Людендорф. - Людендорф не бежит.

- Тогда выполни стратегический манёвр вперёд, в тыл, - лаконично ответил Крумхольц. Он хмыкнул, когда топор срезал наградную ленту с его панциря. Людендорф схватил своего двоюродного брата за рукав и отдёргнул назад, пронзив атакующего его врага Проклятьем Гоблинов.

- Может быть, ты отправишься один, а? - спросил Людендорф, высвобождая клинок. - Без меня. Я хочу голову зверя на моей стене! - прорычал он, указывая туда, где он в последний раз видел Гортора. - Я хочу сделать чашу из его рогов, и ожерелье для моей дочери из его зубов! И прокляни меня Зигмар, если я этого не сделаю! - он сделал шаг вперёд, но остановился, когда дрожащая улица содрогнулась. - Что за...

Минотавры ворвались в ряды зверей, распихивая или растаптывая своих меньших сородичей, кромсая своими огромными топорами всё вокруг, не разбирая, враг ли это, союзник или город. Это были массивные скоты: каждый был настоящим ходячим амбаром из мышц, шерсти, клыков и рогов.

Сердце Людендорфа похолодело.

- Минотавры, - прошипел он.

- Храни нас Зигмар, - пробормотал Крумхольц. - А Мирмидия защити нас. Мы должны отступить. Добраться до пушек!

Большие мечи начали отступать.

- Стоять, где стоите! - рявкнул Людендорф, свирепо посмотрев вокруг и заставляя людей застыть на месте. - Мы остановим их здесь. Построиться!

- Микаэль... - начал было Крумхольц, но времени для споров больше не осталось. Минотавры приблизились и их фыркание, казалось, отдавалось в зубах каждого солдата, когда Свои Людендорфа сделали шаг вперёд навстречу стихии, во главе со своим курфюрстом.

Дубина с каменным оголовьем обрушилась вниз на мостовую, осыпав правителя Хохланда осколками камней, и он прыгнул в сторону, одновременно рубанув по монструозному локтю врага. Уродливая кость щёлкнула, и минотавр взревел - от боли, как понадеялся граф. Зверь потянулся к нему здоровой лапой, открывшись мечам бойцов Людендорфа. Свои обрушили клинки на минотавра, и когда существо пошатнулось и попыталось отмахнуться от нападавших, граф зашёл со спины и рубанул мечом по его лодыжкам. Его руки трянуло в суставах, столь сильна была отдача, но толстые кости монстра щёлкнули и переломились, и тварь рухнула мордой вниз, когда рунный клык разгрыз искажённую плоть. Большие мечи поднялись и опустились, и стоны чудовища смолкли. Людендорф отвернулся и врезал щитом по клюву кудахтающего птицеголового зверолюда, заставив его кубарем покатиться под ноги.

- Первый готов, - сказал он Крумхольцу, но залитый кровью Пёс лишь покачал головой и показал вперёд.

- И ещё больше подходят, Микаэль! - ответил Крумхольц. Ещё два минотавра продирались через ряды больших мечей, забирая жизнь у любого, кто становился на пути. Один из зверей опустил голову и атаковал. Крумхольц отпихнул графа в сторону и опустил Клинок Мяслика между витых рогов, сбивая зверя. Но пока он пытался вытащить оружие, уже и второй минотавр добрался до его позиции.

Меч Людендорфа вклинился между топором зверя и шеей своего советника. Выборщик крикнул, когда руки в суставах задрожали и онемели. С рёвом минотавр надавил на топор и заставил графа опуститься на одно колено. Горячая слюна капала из пасти чудовища на лицо Людендорфа, обжигая его. Людендорф резко убрал меч и, когда чудовище, потеряв равновесие, качнулось вперёд, рубанул по

промежности минотавра. Поднявшись на ноги граф вскрыл спину твари до позвоночника и гигантский зверь рухнул со сдавленным рёвом. Граф ухватился за один из витых рогов и потянул его на себя, заставив чудовище открыть своё волосатое горло. Руками, вопящими от напряжения, он перерезал глотку зверя и встал на его тушу, дрожа от усталости - Арик?

- Я в порядке, - ответил Крумхольц и тут же прорычал, - Спускайся! - рванув мимо туши чудовища и пихая Людендорфа, - Спускайся, чтоб тебя!

- Как ты смеешь...? - начал было граф, пока не увидел, что было позади его двоюродного брата. Свои были сокрушены и перебиты, и за ними неостановимой волной надвигалось боевое стадо. Ярость встряхнула Людендорфа и он сделал шаг к орде, но Крумхольц отпихнул его.

- Нет! Двигайся, Микаэль. Они умерли, потому что ты не знаешь, когда надо отступить! Уходим! - толкая графа, Крумхольц заставил его повернуть и, шатаясь, уйти из залитого кровью двора. За ними следовали охотничьи вопли гончих хаоса и намного более громкие крики монстров, что взломали ворота. Воздух над городом наполнял жирный дым и вопящие гарпии.

С крыш домов полетели камни, когда простые жители Хергига присоединились к битве, и не один зверь рухнул на улице с раскроенной метким броском головой. Но недостаточно. Гротескная гончая прыгнула на выборщика, когда тот споткнулся и упал на спину.

- Микаэль! - закричал Крумхольц, вцепляясь в жирный мех зверя.

- Отвали от меня! - прорычал Людендорф, отпихивая рычащего зверя и хватая его за горло. С лицом, покрасневшим от усилий, он сжал руки и душил гончую хаоса, пока та сучила лапами, царапалась и выла. Другие гончие набросились на них, но Крумхольц прикончил пару, обратив остальных в бегство. Людендорф отшвырнул к стене здания труп псины и взвыл от отчаяния, когда ему в ноздри ворвался запах дыма. - Они подожгли мой город! Проклятье, Арик, дай мне...

- Убить себя? Нет! Уходи, кровожадный глупец! - отрезал Крумхольц. - Вверх по этой улице. Давай... Берегись!

Улица застонала, когда одна из амбароподобных зверюг ринулась на них, проделывая борозды в стенах поднимающихся по обеим сторонам улицы зданий своими рогами и шипами. Крумхольц схватил Людендорфа и швырнул на землю, когда артиллерийские орудия - полевая и органная пушки, укрепленные в окружающих зданиях и используемые для тренировки жителей окрестных домов и служек конюшен на другой стороне улицы - открыли огонь. Мужчина в ливрее Хохланда протянул руку и вытащил своего споткнувшегося выборщика и его двоюродного брата с линии огня. Скакавший монстр рухнул, ядро превратило его мозги в кашу. Огромная туша скользнула вниз по улице, перекрыв её и перегордив дорогу к добыче наступавшим по пятам зверюлкам.

Людендорф отвернулся и высвободился из рук своих людей.

- Стреляйте! Сотрите их в порошок! - выплюнул он. - Мы не должны позволить им и дальше осквернять наш город! - он развернулся, сверкая безумным взглядом. - Построиться! Копейщики в авангард! Мы...

Неожиданно, в самой середине зажигательной речи выборщика, Крумхольц ухватил его за модный горжет и двинул коленом в пах. Людендорф захрипел и согнулся. - Да угомонись же ты, - сказал Крумхольц. - Боше! Хайнрех! Мюллер! Мы должны отступить к дворцу... Начинайте укреплять эту улицу. Мы забаррикадируем наиболее узкие места, где можно создать бутылочное горлышко. Установите колья и притащите лучников, чтобы защищать строителей... Я хочу надлежащего тилейского ежа с

бронзовыми шипами Мирмидии, и я хочу его сейчас! Борс! Перегони несколько повозок от стен дворца! Они должны позаботиться о перемещении выживших в безопасное место!

- Ты... Ты ударил меня, - прохрипел Людендорф, поднимаясь на ноги.

Крумхольц посмотрел на него. - Ради твоего же блага. Мы должны отступить.

- Нет, мы можем победить, - ответил Людендорф. - Мы можем вышвырнуть их вон!

- Они превосходят нас пятнадцать к одному, кузен, - устало ответил Крумхольц. - Они взяли стены и им плевать на потери. Оглянись, - продолжил он. Людендорф неохотно, но всё же подчинился. Боевое безумие, застилавшее глаза, покинуло его, и теперь он, наконец, смог увидеть истинное положение дел, он увидел усталость и страх, бывшие на каждом лице, и нетвёрдую хватку рук на оружии. Хохланд упорно сражался, но его армия была на последнем издыхании. Он опустил взгляд, посмотрев на рунный клык, и почувствовал, что и его руки дрожат от слабости.

Скривившись, он открыл рот, и единственное горькое слово сорвалось с его губ. - Отступаем, - сказал он хрипло.

ГОРТОР Владыка Зверей стоял в своей колеснице и наблюдал, как его воины устремились от стен и прочь от центра города, избитого и окровавленного. Он удовлетворённо фыркнул. Они взяли внешнюю оборону города, а также нескольких пленников, как он надеялся, несмотря на всё ещё удивительным образом продолжавшееся сопротивление. Если в процессе его избавят от нескольких слишком беспокойных сторонников - будет совсем отлично.

Одним ударом он ослабит как врага снаружи, так и внутри. Он понимал, что был не одинок в подобном понимании. Угрюмые вожаки-подчинённые зыркали на него со своих колесниц. Он настоял на том, чтобы они оставались позади, не собираясь попросту растрачивать их жизни, ограничившись лишь жизнями их воинов. Гортор усмехнулся, чёрные губы поднялись, обнажив жёлтые клыки. Гримаса вызвала краткий приступ боли, где пуля коснулась его морды. Раздосадованный, он потёр всё ещё сочившуюся кровью рану. Его копьё сочувственно вздрогнуло, и он посмотрел на него.

Лезвие Пронзателя было наполовину погружено в ведро крови, что стояло в колеснице сбоку от Гортора. Клинок был изготовлен из черепа великана, и даже сейчас изредка подрагивал, словно спящий хищник, подёргивавшийся в своих грёзах из жестокости и изменений. Лезвие жаждало крови и, как шептались многие в стаде, не утолив её, Пронзатель бы ползал в грязи, словно ужасный змий, в поисках подходящей жертвы среди боевого стада. Он вытащил копьё из его покоя и провёл пальцем по лезвию. Оно пульсировало в его руках, жаждая испробовать кровь человека по имени Людендорф, как и сам Гортор.

Людендорф. Он проговорил труднопроизносимые слоги в своём разуме, смакуя их вкус. Достаточно хороший противник, по крайней мере, для людей. Человек стал бы хорошим зверем, если бы был рождён под другими звёздами. Гортора шокировал подобный поворот мыслей. - Город наш, - проворчал он, глядя на Белочервя, туда, где шаман-альбинос присел рядом с другими чудотворцами. Они съжились и что-то неразборчиво бормотали и шипели. Белочервь, как их представитель, дёрнулся вперёд и попрыгал к Гортору. Как и все остальные он был больше рабом, чем советником, которого держали под рукой, чтобы он истолковывал тёмные сны, которые изредка мучили сознание Гортора болезненными видениями будущего.

- Нет! Стены ещё стоят! - заскулил Белочервь. - Боги говорят, атакуй дальше! - он махнул рукой в сторону стен, окружавших внутреннюю крепость города, где засел курфюрст.

- Боги? - пророкотал Гортор, опираясь на Пронзатель. Копьё извивалось в его руках, жаждая убивать. - Почему они хотят, чтобы я сделал это? - спросил он, злобно уставившись на шамана. Белочервь съёжился. - Что есть там, чего нет здесь? Смерть? Гортор построил холмы из черепов по всей длине тракта людишек, - он наклонился над краем колесницы, разочарованно щёлкнув зубами, ухватив лишь воздух. Его ноздри раздувались от запаха крови и страха. - Они в ловушке! Зачем тратить силы?

- Боги требуют! - взвыл шаман, крадучись отходя назад. Остальные забормотали в поддержку своего лидера. Атаманы тоже не остались в стороне, поддержав альбиноса. Гортор расстроено фыркнул.

- Боги требуют, - проворчал он и покачал головой. Царапая рану на морде чёрными когтями, он взвешивал имеющиеся варианты. Боги требовали много... порой - слишком много.

Видения захватили его внезапно, его челюсти клацнули, тело сотрясли конвульсии. Когда дар богов вцеплялся в него своей хваткой, это было всё, что он мог сделать, чтобы помешать собственному телу разорвать себя. Каждый волосок покалывал и выходил из его тела, словно острый как бритва шип, Белочервь же и другие в этот момент подбирались поближе, их ноздри вздрагивали, когда они вдыхали странную магию, исходящую от него. Ему хотелось отшвырнуть их прочь, падальщики, вот кем они были, жалкие твари, но он мог лишь согнуться в три погибели и рычать, пока видения рвались через глаза его разума. Призраки-воспоминания о будущем, где порченые деревья из меди и мяса прорастали из идущей волнами, стонущей земли, а бледные твари, не останавливаясь ни на мгновение, танцевали под безумный писк менестрелей Хаоса. Это было будущее, которое Гортор был вызван привести в этот мир, и, хотя там не было признаков его народа, он был полон решимости исполнить это предназначение. Несмотря ни на что.

Приступ прошёл, и Гортор, тяжело дыша, опёрся на копьё. Среди кричащей какофонии безумия он увидел мелькнувшие образы зверей, пьяных и беспечных, блуждающих среди руин Хергига, и лавину коней из меди и стали, что обрушивается на них. Он зарычал. Это ли было тем, что требовали боги? Чтобы его могучее стадо-из-стад было разорвано на части, когда пьяное расслабится среди руин?

Его разведчики сообщали о силах, собирающихся на севере и юге. Драквальд был сокрушён, и в то время как его армия ещё больше увеличилась, это было той единственной, ничтожной причиной, что всё ещё удерживало её вместе. Его бойцы не любили затяжные войны подобного рода и всё больше и больше из них предпочли бы атаковать по-прежнему крепкие стены курфюрстова дворца, или, что было ещё хуже, потихоньку смыться, пресытившись награбленным в городе.

По сравнению с этим, Вольфенбург стал лёгкой добычей. Застигнутые врасплох, защитники города отступили от ворот, а затем постепенно потеряли и весь остальной город. Не имея места куда сбежать или где спрятаться, они стали лёгкой добычей. Но здесь было сложнее. Битва с людьми на лесном тракте приостановила импульс его орды и дала его врагам время укрепить оборону и подготовиться. Земли вокруг Хергига были превращены в зону смерти, полную ловушек и препятствий. Скорость была его главным оружием, а теперь она была потеряна. Он посмотрел в сторону на своих атаманов - они обменивались оценивающими взглядами, ворча и крепко сжимая оружие, которое в любой момент могло быть обращено против него. Даже благословения Тёмных Богов не смогли бы защитить его от столь многих.

Лениво он погладил татуировки и клейма, испещрявшие его волосатую плоть, проводя корявым пальцем

по каждой линии. Каждый знак был заработан в бою с тем или иным врагом... вот, память о схватке с великаном Хаоса, когда он был ещё детёнышем. Теперь у него было с полдюжины подобных зверей, прислуживавших ему. Это - следы острых, как бритва, пальчиков одной из невест Козла с Тысячей Любовниц, что ласкала Гортора, прежде чем попыталась сожрать. Её сестры ныне танцевали по его прихоти. А если бы он не прикончил чёрного орка военачальника лишь за несколько недель до того и не остановил армию созданий в самом начале их похода? В каждом бою, впрочем, был один фактор - боги присматривали за ним, он знал это. Теперь же он не был в этом уверен.

Каждый зачаточный стратегический инстинкт Владыки Зверей кричал ему, чтобы он оставил обнесённый стенами Хергиг и продолжил движение, как и сейчас - они умоляли его игнорировать дворец. Но боги, которым он служил, потребовали, чтобы разграбление этого города было завершено. Значит, это должно быть сделано... но это должно быть сделано хорошо. Опыт научил Гортора, что в обороне всегда было слабое место: обветшалый участок стены, ослабленные огнём ворота, расшатанные камни, что-то. Что-нибудь. Как глотка поверженного врага, слабое место может быть прорвано и бой выигран одним быстрым ударом. Он просто должен был найти его.

- Пленники? - проворчал он.

- Много-много, - ответил Белочервь. - Хотя плохие. Многие не доживут до завтра.

- Покажите, - прорычал Гортор, ударив древком копья по днищу колесницы.

Через несколько минут пронзительно кричащий пленник был притащен пред взор Гортора. Красно-зелёную ливрею человека пятнала кровь. С руками, растянутыми в кулаках минотавра так, что едва не отрывались, человек неловко повис перед Владыкой Зверей. Ноги пленника представляли собой измельчённую массу, и деформированные гончие вцепились в них достаточно крепко, чтобы заставить минотавра споткнуться. С рычанием один из козлоголовых атаманов отшвырнул псин прочь ударами плоской частью лезвия, а особо упрямых привёл к покорности ударами копыт. Затем он схватил умирающего за подбородок и поднял его голову.

- Гррде? - прорычал гор, проводя острым лезвием своего топора по безволосой щеке. - Гррде?

Человек набрал воздуха в грудь, словно бы собираясь ответить, а затем, дёрнувшись всем искалеченным телом, обмяк, и его глаза закатились. Гор встряхнул его, озадаченный. А затем с рёвом сорвал голову трупа с его сломанных плеч. Голова покатила по грязной земле, преследуемая сворой рычащих, щёлкающих зубами гончих. Гор развернулся и махнул топором в сторону колесницы Гортора.

Гортор погладил Пронзатель, словно любимую зверушку, пока смотрел на труп с выражением, которое могло бы сойти за смятение. Очередной мёртвый пленник означал, что осталось меньше ещё на одного из тех, кто мог сказать ему то, что он желал знать. Он фыркнул в отвращении и, повернувшись к Белочервью, присевшему рядом.

- Слабый Белочервь, - проворчал он.

- Люди слабы, - ответил шаман, коровьи губы поднялись, обнажив чёрные пеньки обломанных зубов. Глаза Белочервя проницательно сузились. - Я говорю, да?

- Хрн! - взревел гор, топнув копытом по булыжнику так, что тот раскололся. Он махнул топором на шамана, забрызгивая кровью его крысиный плащ. - Нт гврт!

- Говорю? - вновь спросил шаман, посмотрев на Гортора.

- Да, - фыркнул Гортор. - Говоришь.

Кивнув, шаман вприпрыжку метнулся к телу. Схватив гончую за шкуру, он дёрнул её вверх, вырвал из зубов погрызенный череп и отшвырнул зверя прочь. - Говорить легко. Не долго мёртв.

С этими словами он воткнул два окостеневших когтя в обрубок шеи и повернул голову лицом к стадному камню, который Гортор повелел поднять за две недели до сего дня, в первую ночь под стенами Хергига. Бормоча, шаман поднял голову и держал её, пока холодный туман сочился из поверхности камня и тёк к нему. Щупальца тумана нашли обрубок шеи и начали заполнять голову. Белочервь вытащил пальцы и позволил голове упасть. Однако она не упала. Вместо этого голова зависла в воздухе, поддерживаемая липким туманом, который постепенно поднимался, поворачивая её кругом. Туман просачивался из пустых глазниц и разбитых губ, пока Белочервь выли и прыгал вокруг.

- Спроси это, - проворчал Гортор.

- Где эта слабость? - пронзительно заверещал Белочервь, скача вокруг головы.

Рот вяло открылся, словно его двигали твёрдые пальцы. - С-сев-северная с...ух...стена... к... камни... р...ух...рыхлые... - сказал он голосом, похожим на шёпот воздуха. Белочервь хихикнул и отдёрнул руку. Туман резко отступил, и голова со стуком упала на камни. Гончие рычащей грудой тут же накинлись на неё, а шаман повернулся к своему вождю.

- Северная стена - сказал Белочервь, притопнув копытом. - Начинай наступление, сокруши безволосых, - продолжил он, сверкнув глазами. Собравшиеся воины заревели и застучали оружием в знак согласия.

Губы Гортора дёрнулись.

- Наступление будет тогда, когда я скажу, Белочервь, не раньше, - с напускной ленцой прорычал Владыка Зверей. Его чёрные глаза остановились на шамане, а затем прошлись по рычащим рылам полудюжины атаманов гор, составлявших его внутренний круг. Гор, допрашивавший человека, был одним из них - зверь по кличке Копытодав, что махнул топором на Гортора в почти угрожающей манере.

- Нстпть, счс! - прорычал он. - Бги трбт нстпть!

- Я говорю за богов, - сказал Гортор, перемещаясь на свой трон. - Не ты, Копытодав.

Копытодав попятился и громогласно взревел, из его пасти полетела пена. Он рыл копытом землю, его воины ревели и гремели оружием. - Нстпть! Нстпть! Нстпть! - вопили они в унисон. Другие стада присоединились к ним, и вдруг Гортор поднялся. Наступила тишина.

Копытодав посмотрел на него снизу вверх, в его взгляде был вызов. К этому всё шло уже давно, так что Гортор не был удивлён. Копытодав махнул топором и хмыкнул. - Ослуштс бгв??

- Боги говорят через *меня*, - медленно проговорил Гортор. - Вызов, Копытодав?

- Вызов! - выкрикнул Копытодав и взбежал на помост, замахиваясь топором. С лёгкостью, удивительной для кого-то его размеров, Гортор отошёл в сторону. Перемещаясь, он схватил Пронзатель. Копытодав среагировал мгновенно, развернувшись и обрушив на Гортора рубящий удар. Топор проскрежетал по поверхности лоскутной брони Гортора, вызвав сноп искр.

Пронзатель плавно, чуть ли не по собственной воле, скользнул по ладони Гортора, лезвие выстрелило в брюхо Копытодаву. Тот взревел, потрясённый, когда Гортор поднял его в воздух. Пронзатель

заизвивался, проникая всё глубже в рану, и вышел из спины умирающего гора.

Кровь хлынула на Гортора и он открыл пасть, чтобы принять подношение. Затем с ворчанием он сбросил мёртвое тело на землю, в процессе высвободив Пронзатель. Ударив торцом копья в помост, он впился взглядом в свою армию. Могучий кулак ударил в грудь.

- Я здесь господин! Гортор! Не Копытодав! Не Криворог, не Косолап, не Смертокус! Гортор правит, этим копьём! - взревел он и поднял копьё над головой. Собравшиеся звери взревели в ответ.

КРУМХОЛЬЦ смотрел, как первый залп огненных стрел вылетел из-за стен дворца и устремился в город. Его душа сжалась при мысли о том, что произойдёт с любым жителем города, что остались там, спрятавшись в подвалах и на чердаках. Но он ничего не сказал. За эти два дня, что они вернулись во дворец, Микаэль уже перешёл ту черту, когда хотел сохранить город. Теперь его единственным желанием было не отдать его врагу. Он поделился своими соображениями с другими советниками, каждый из которых имел схожее выражение во взгляде. Беспокойство, смешанное со страхом.

Людендорф имел много достоинств, дикое рвение, которое заставляло убираться с его пути даже закалённых жрецов Зигмара, было одним из них. Но его недостатки порой были столь же ожесточёнными, а рвение могло в любой миг превратиться в обычное тупое упрямство так же легко, как в отвагу. Это всегда было характерной чертой Людендорфов: дворяне Хохланда были свирепее почти всех остальных благородных семей Империи. Именно в этом и была причина появления Пса курфюрста. Вторая голова, которая всегда остаётся холодной, когда выборщик неизбежно даёт волю ярости, ревущей в его крови. Само собой, основой должности было умение заставить курфюрста прислушаться к себе.

- Мы сожжём их, как крыс, - проворчал Людендорф, глядя на город: новые чёрные столбы поднялись к небесам, когда огни, разожжённые выборщиком, присоединились к пожарам, устроенным зверями. Рядом люди лили воду из бадьи, притащенной из замкового колодца, на стены дворца. - Я не отдам его ему. Не после того, как мы сделали всё, чтобы это место стало неприступным, - продолжил он, указывая на стены, окружившие центр Хергига. - Отсюда мы сможем вновь вернуть город, Арик, после того, как огонь изгонит их прочь. Мы сможем вернуть провинцию. Да даже утопить зверей в Талабеке! - Он посмотрел вниз, на тесный двор, где ютились жители и солдаты, смотрел, не видя. Крумхольц глядел на него, пока курфюрст произносил громкие слова. Ни один из других советников не встречался с ним взглядом, и он понял, что это вновь выпало на его долю.

- Мы не можем удержать город, Микаэль, - спокойно начал он. - Северная стена неустойчива, да и остальные ненамного лучше. Мы должны отступить и выманить за собой этого зверя с его стадом. Мы можем дать нашим людям - народу Хергига - время, чтобы спастись, - увидев выражение на лице выборщика, он быстро продолжил. - Мы не отказываемся от Хергига, Микаэль - мы спасаем Хохланд.

- Спасаете себя, наверное ты хотел сказать! - крикнул кто-то из соседнего здания. Гнилые фрукты, обломки кирпичей и содержимое ночных горшков полетели с крыш окружающих домов на людей, стоявших на стене внутренней крепости. По лающей команде Крумхольца несколько человек сорвались с места и ринулись в дома, теснившиеся рядом с дворцом, выбивая по пути окна и двери. Крумхольц увидел, как несколько человек, кричащих, голодных и напуганных, выволокли из домов и бросили на улицу. Шестеро, пятеро, судя по одежде, простые работяги. Шестым был мальчик, худощавый и хрупкий. Он понимал, что они, скорее всего, не были по-настоящему враждебно настроены. Это не имело значения. Крумхольц прошёл за выборщиком к буянам.

- Кузен, - сказал Людендорф в наступившей тишине.

- Да, мой господин, - ответил Крумхольц, сплюнув и положив руку на Клинок Мясника.

- Исполняй свой долг.

Клинок Мясника с поразительной скоростью покинул ножны и пять голов упали в придорожную канаву. Над головой шестого клинок остановился, пару дюймов не дойдя до тонкой мальчишеской шеи. Крумхольц отступил назад, его лицо окаменело. - Пять, я думаю, станут адекватным примером.

- Ты думаешь? - прорычал Людендорф. Его рука метнулась к рукояти руноклыка, и на мгновение Крумхольцу показалось, что выборщик сам завершит дело, но тут рука Людендорфа обмякла и безвольно опустилась. Выборщик оглядел двор, встречая пустые взгляды своих подданных. - Куда бы ты пошёл, Арик? - спросил он мягко.

- Талабхайм, - произнёс кто-то. Другие советники забормотали в знак согласия.

Людендорф улыбнулся.

- Ответь тогда. Что будет после? Ты добрался до Талабхайма, и что дальше? Да, здесь есть малый шанс, что звери проломают стены, но иначе они могут заполнить землю, не встречая сопротивления, чего собственно и хотят. Пока он есть, Драквальд остаётся раковой опухолью Хохланда... представьте же его в сезон, когда у зверей будет целая провинция, кормящая их. И тогда кровоточащей опухолью в брюхе Империи станет весь Хохланд, Арик. На выжигание которой потребуются годы, если это вообще удастся. Цивилизация сократится до нескольких могучих городов, окружённых и изолированных друг от друга. Это - то, чего ты хочешь, Арик?

- Нет, но...

- Только сохранение Империи имеет важность. А значит - мы должны разбить их здесь, - сказал Людендорф.

- А народ Хохланда?

- Есть старая охотничья поговорка. Если за вами и вашим другом гонится медведь, не пытайтесь обогнать медведя - обгоните своего друга, - ответил Людендорф, глядя на столбы дыма. Из них, воя и визжа, вылетали гарпии. Заговорили луки и длинные винтовки, сбив несколько гротескных фигур. - В то время, пока медведь занят нами, мы можем выхолостить его и сделать бессильным, - продолжил он и посмотрел на Крумхольца. - В моём безумстве есть причина, Арик. И это не просто упрямство.

- Ты уверен в этом? - спросил Крумхольц, понизив голос. - Будь честен со мной, Микаэль. Не твоя ли это гордыня говорит?

- Не слишком сильно рассчитывай на наше родство, - ответил Людендорф, не глядя на него.

- Микаэль, Остланд уже пал. Даже если подкрепления придут, что маловероятно, они вряд ли успеют вовремя добраться до нас. Особенно не с разожжённым твоими усилиями городом под нашими ногами! - сказал Крумхольц. Его голос с каждым словом становился всё громче. - Но мы можем спасти наш народ прямо сейчас. Всё, что нам нужно сделать, это...

- Как? Оставить столицу? Сбежать в пустыню? И как бы их это спасло, кузен?

- Переговоры, - ответил Крумхольц.

- Что ты сказал?

Крумхольц сглотнул.

- Мы проведём переговоры. Об этом чудовище можно многое сказать, но он не глуп. Чем больше времени он тратит на нас, тем больше шансов, что его армия уменьшится от дезертирства, распрей и нападений. Но если мы предложим ему город, мы могли бы уйти! Мы могли бы сопроводить выживших, дать им время скрыться, а затем идти на соединение с нашими силами в Талабхайм!

- Просто отдать ему город? Мой город? - спросил Людендорф.

- Лучше один город, чем жизнь всех наших людей!

- Их жизнь принадлежит мне, и я потрачу её так, как считаю нужным! - выкрикнул Людендорф. Он указал на горстку выживших. - Я бы пролил кровь каждого жителя в провинции, до последнего человека, до последней капли, лишь бы уничтожить эту тварь! Этот зверь осмелился думать, что может бросить нам вызов! А ты предлагаешь сдаться!?

- Ради Хохланда... - начал Крумхольц.

- Я - Хохланд! - взревел Людендорф. Его выкрик эхом разнёсся по всему двору.

- Нет! Ты - обезумевший гордец! - выкрикнул в ответ Крумхольц, слова сорвались с его губ даже прежде, чем он осознал это.

Людендорф замер. Затем указал дрожащей рукой на меч Крумхольца.

- Отдай мне свой меч.

- Что? - моргнул Крумхольц. Он вдруг осознал, что другие отступили от него, и внезапную слабость, что появилась глубоко в кишечнике.

- Твой меч. Отдай его мне. Я не буду трусом, как мой Пёс.

Лицо Крумхольца ожесточилось. - Я не трус.

- Правда? То "отступаем", то "назад". Ты все время бежишь, Арик, никогда не защищаешься, не стоишь за до конца, - сердито прошипел Людендорф. Его кулаки сжались. - Ну давай, удирай. Вот прямо через эти ворота. Посмотрим, как далеко ты убежишь.

- Микаэль...

Руноклык с грозным свистом вылетел из ножен и Крумхольц отшатнулся, бессознательно обнажая свой собственный клинок. Он остановил себя, не дав ему подняться, и его руки бессильно повисли.

- Уходи, - сказал Людендорф. - Уходи и будь ты проклят.

Крумхольц выпрямился и отстегнул портупею.

- Как пожелаете, мой повелитель, - не глядя на своего двоюродного брата, он бросил Клинок Мясника в пыль и повернулся. Пока он шёл до ворот, он ощущал, как мир смыкается вокруг него, его зрение сузилось до булавоочной головки. За воротами ждали и радостно прыгали и скакали проклятые. В

глубине души слабый голос задавался вопросом, что хуже: то, что ждёт его на улице, или то, что он увидел здесь внутри.

Никто не попытался остановить его.

Никто его не окликнул.

И никто не видел, как он умер.

ЛЮДЕНДОРФ сидел во дворце, Клинок Мяслика лежал на коленях, а клык был воткнут в полированный деревянный пол. Он услышал далёкий рёв и понял, что его кузен умер. Ярость утихла и во рту появился горький привкус.

- Ты должен понять, Арик, - прошептал он, обращаясь к пустой комнате. - Не гордость держит меня здесь. Не гордость...

Он ждал ответа. Когда его не последовало, он закрыл глаза.

- Не гордость, - произнёс он снова.

ВЕЛИКАН был уродливой тварью с зазубренными кусками кости, торчащими из-под кожи. Со стоном он содрал ещё одну крышу и отбросил её в сторону. Четверо огромных зверей ни на секунду не прекращали работу, снося здания и разнося их на куски, в то время как сотни горов ползали по разломанным брускам, увязывая их вместе. Потребовалось три дня, и огонь лишь мешал. Но Гортор смотрел, и Гортор был доволен. Он поработил великанов лично, его грубая магия привязала их слабые разумы к его собственному. Их мысли трепетали на краю его сознания, словно мотыльки, попавшие в шторм.

- Пустая трата времени, пустая трата времени, - пробормотал Белочервь.

- Нет, - ответил Гортор, бросив ленивый взгляд на шамана. - Мы возьмём город, как и хотят боги. Но мы сделаем это моим способом, способом Гортора.

- Глупо, - заявил один из горов-атаманов. Это был уже не первый случай, когда подчинённые ему вожди стад комментировали упорное желание Гортора строить осадные башни и тараны, вместо того, чтобы просто разломать ворота традиционным способом.

Гортор хмыкнул и протянул руку. Схватив говорливого вождя за загривок, он подкинул поражённого гора в воздух. Напрягши мышцы, он тряхнул гора, как гончая трясёт крысу, и отшвырнул в грязь.

- Одни ворота, - прорычал он. - Одни! - он посмотрел на них, а затем на строящиеся платформы. - Много, - продолжил он. - Невозможно раздавить только одним пальцем, - он сжал кулак. - Необходимо использовать сразу все, - его губы изогнулись, и он рассмеялся. - Одно стадо не может уничтожить их, но многие - все сразу? - Гортор смотрел на них и подивился тому, что только что пытался учить их. Он перехватил взгляд Белочервя, странно смотрящего на него, и уставился на шамана. - Говори, шаман.

- Это не путь богов, - прошипел альбинос. Он развёл когти и их кончики окутал ведьмин свет. - Мы ломаем, мы не строим, - продолжил он. - Вот ворота! Мы должны атаковать!

- Боги хотят город. Гортор даст им город, - как ни в чём не бывало ответил Гортор. - Но я не собираюсь тратить ради этого лишние жизни своих воинов! - он ударил кулаком в борт своей колесницы. - Одна

дыра - плохо. Нужно много.

- Кровь для кровяного бога, - проворчал другой атаман. Он провёл по оплетённому медью рогу топором, вызвав снопы искр. Позади него ярились его последователи.

- Кровавый бог хочет человеческой крови, не звериной крови! - возразил Гортор, оскалив зубы. После Копытодава Меднорог стал одним из самых громких ворчунов. А с ним и его кхорногоры. Жаждающие крови, черепов и душ, и их не очень заботило, откуда они придут.

- Кровавый бог хочет всю кровь, - намеренно подчеркнул Белочервь, чем вызвал согласный рёв среди последователей Меднорога. - Боги требуют нашей крови, Владыка Зверей. Требуют человеческой крови! Требуют, чтобы мы танцевали на руинах городов людей и растапывали их черепа своими копытами! Сжигать, не строить! Крушить, не говорить! - голос Белочервя стал громче, чем когда-либо прежде, и у Гортора вздыбилась шерсть на загривке. Остальные шаманы присоединились к Белочервью, во всю глотку обличая проволоочки Гортора.

Гортор никогда не боялся гнева чудотворцев. Благословенное дитя богов, он знал, что их магия была ничем по сравнению с его. Но сейчас, сейчас он мог почувствовать, как варп танцует на кончике каждого вздыбившегося волоска, и ему понадобилось лишь мгновение, чтобы принять решение.

Череп Белочервя издал хлюпающий звук, когда Пронзатель расколол голову шамана и расплескал его дурные мозги по стене. Наступила тишина, как то было, когда он прикончил Копытодава. Каждым нервным окончанием Гортор мог ощутить гнев богов, но он проигнорировал его, выдёргивая Пронзатель и указывая им на своих советников.

- Боги получают кровь... моря крови, и упьются ей! Гортор даст им эту кровь! Путь Гортора принесёт им эту кровь! В своё время!

Он огляделся, с удовлетворением отметив, что никто не осмелился встретиться с ним взглядом. Он топнул копытом и запрыгнул на борт своей колесницы.

- И Гортор говорит - время пришло! - взревел он, взмахнув над головой копьём. Он ощутил, как судорога надвигается на него, но он отбросил её в сторону. Он слушает богов позже. После! Теперь - вперёд, за тем, что они требовали.

Его колесница загрохотала вперёд, набирая скорость, когда бивнегоры, тянущие её, зафыркали и зарычали и зарыли землю копытами. Великаны протопали мимо, легко обогнав колесницы, и с размаху опустили на стены грубо сварганенные мосты. А внизу уже были готовы горы, тащившие самодельные лестницы и тараны. Они текли по улицам, словно муравьи, некоторые из них облепили ворота внутреннего замка, даже когда один из великанов, настигнутый стрелами, навалился на ослабленную стену, которую указала некромантия Белочервя, и заставил её пошатнуться.

Что-то мелькнуло на краю зрения Гортора, когда он откинулся в своей колеснице, размахивая Пронзателем: видение медных всадников, прорезающих ряды его стада. Он отбросил это. Нет. Нет, этого не могло произойти! Боги присматривали за ним. Он делал, как они требовали! Они защитят его, как и всегда! Он взревел и обеими руками ухватился за Пронзатель, взмахнув им высоко над головой, пока его колесница неостановимо мчалась к воротам замка. Великан уже был там, разрывая ворота, даже несмотря на кипящее масло, сжигавшее его плоть, и изрыгающие огонь орудия, лишившие его глаз. Жалобно вскрикнув, он упал, упал, но вместе с ним пали и огромные деревянные створки врат, и лишь когда окованные металлом колёса колесницы Гортора превратили в кашу его череп, великан, наконец,

затих.

Последние защитники Хергига ждали его там, и он взревел от смеха, когда его колесница врезалась в их ряды. Пронзатель сверкнул, отсекая конечности и протыкая тела, окрашивая камни в красный. Люди падали под колёса его колесницы, где были стоптаны бивнегорами. Ещё больше колесниц следовало за ним, заполнив широкий проспект катящейся стеной шипастой погибели.

А потом, в один ужасный момент, всё пошло вразнос.

Когда зазвучали рога, Гортор мгновенно почувствовал, что именно хотели сказать ему видения, и ощутил нечто едва уловимое, в чём ему послышался смех Тёмных Богов. Под его ногами затряслась земля. Ветер принёс новые запахи, и он поднял голову, вглядываясь назад, по следам принесённого им разрушения. Над головами сражающихся воинов он увидел нечто, что могло быть проблеском меди на солнце, а затем он услышал грохот копыт. Его видения вернулись, вновь и вновь прорываясь через него, и его спину окутал холод.

Всадники в полированных латах ринулись на Гортора, стаптывая его воинов, попавшихся им на пути. Первого, добравшегося до него, Гортор пронзил насквозь, сбросив человека с лошади. Он взмахнул телом медного человека в воздухе и отшвырнул его прочь в порыве бешеной силы. Страх, охвативший его при виде воинов, улетучился, сменившись замешательством. Было ли это тем, что боги хотели сказать ему? Было ли это тем, что они хотели? Он фыркнул и отвернулся от искореженного тела. Его воины сцепились с людьми, а город пылал. Его ноздри раздулись, и новая судорога сотрясла его тело. Он подумал о мёртвых глазах Белочервя и подавил рычание.

Нет, он был благословлён. Благословлён! Хергиг будет его, с богами или без. Взревело ещё больше труб. Он повернулся и увидел, как защитники Хергига напали на его силы через дыры, которые он проделал в их укреплениях. Вновь прибывшие врезались в ряды звероловцов, с лёгкостью вырезая их, и дети Хаоса запаниковали, оказавшись между молотом и наковальней. Из глотки Гортора вырвался рык ярости. Он должен был сплотить свои войска. Он должен был вновь привести их в порядок и подготовиться к встрече с этой новой угрозой. Он спрыгнул с колесницы и с обезьяньей ловкостью забрался на ближайшую статую. Высоко подняв Пронзатель, он проревел отчаянные приказы. Закованные в броню атаманы и бестигоры ответили на них, прорезая к нему дорогу, но было уже поздно.

Даже собрав весь цвет его боевого стада, он не мог предотвратить неизбежного: оставшая часть его армии таяла, пойманная в клешни двух сил. Он услышал смех в своей голове и мгновенно понял - конец наступит здесь.

Боги требовали жертву. Он думал, что это был город, но он ошибался. Или, возможно, был ослеплён. Среди возлюбленных богов зачастую были те, кто призывал домой своих последователей слишком рано, и эта мысль наполнила его яростью. С пеной у рта, с громяющим в его голове хохотом Богов, Гортор поднял Пронзатель и посмотрел в сторону дворца. Скрипнув клыками, он спрыгнул со статуи. Камни раскололись под его копытами, и Гортор выпрямился. Подняв Пронзатель, он рванул вперёд, и его стадо последовало за ним.

Боги требовали крови. И пусть они и отвернулись от него, Гортор всё равно даст им кровь.

ЛЮДЕНДОРФ взял Клинок Мясника в одну руку, а руноклык в другую. Сегодня, в самом конце, он сам будет своим Псом. Он не потрудился найти другого, а сам никто не вызвался.

Он не осуждал их. Где-то в глубине души, курфюрст и сам задавался вопросом: был ли он действительно безжалостен, или просто безумен. Послал ли он своего кузена на гибель из-за того, что тот вызывал смуту, которую было невозможно терпеть, или за то, что тот просто говорил правду?

- Арик, - тихо пробормотал он, глядя на Клинок Мясника в слабом дневном свете. - Почему бы на этот раз тебе всего лишь не послушать? - его взгляд скользнул к Погибели Гоблинов и он вздохнул. Руноклык Хохланда, казалось, замурлыкал, когда он взмахнул им на пробу. Клинок передавался от отца к сыну, он жаждал битвы с тем же нетерпением, что и сам курфюрст. Он алкал убивать, и заклинания погибели были вбиты в его сущность уже при ковке. Он стремился расколоть череп Владыки Зверей, и чем раньше, тем лучше. - Уже скоро, - пробормотал Людендорф.

Он мрачно усмехнулся, когда услышал рёв горнов рыцарей ордена Сияющего Солнца. Когда его люди сообщили о прибытии воинов ордена, врезавшихся в задние ряды армии зверей, намерившейся атаковать его ворота, он едва ли поверил в это. Теперь же он слышал звуки боя вокруг, когда зверь встретился с человеком на запутанных улочках вокруг дворца, так же, как когда под напором великанов рухнули стены.

Прибытие рыцарей стало знаком его правоты. Сам Зигмар повелел ему держаться, чтобы не отдать город в лапы зверей Хаоса. Его бог поручил ему это, и он выполнил его волю, несмотря на то, что на каждом шагу встречал сопротивление. А теперь... Теперь пришло вознаграждение. Он улыбнулся и поворачивал кистью, разминая свою боевую руку. Теперь он должен был снять голову с плеч зверя, насадить её на пику и каждый год в день смерти Арика поднимать тост за это событие. Его двоюродный брат был бы благодарен за это, он был уверен.

- Конечно, был бы. Наименьшее из всего, что ты бы мог сделать после предательства, - сказал он, снова переведя взгляд на Клинок Мясника. Он чувствовал неправильность, держа его в руке, но он должен был пролить кровь, в этом Людендорф был уверен. Меч его кузена на его стороне был нужен ему сейчас, как никогда раньше. Арик всегда был рядом при жизни, и это было только правильно, что он будет там же и после смерти.

- Кроме того, тебе бы наверняка не хотелось бы пропустить бой, подобный этому, а? - сказал он вслух. Если он и заметил взгляды, которые некоторые из его людей бросили на него, то не подал вида. Они ненавидели его сейчас, даже если не ощущали подобного прежде. Но они также и любили его. В такие времена лучше безжалостный человек, чем слабый. Лучше безумец, чем трус. Так они шептались между собой, когда думали, что он не слышит.

Звери прорывались через брешь в северной стене, ревя боевые кличи. Он знал, что это так или иначе удалось бы им, и поэтому всеми возможными средствами укрепил внутренний двор. Копейщики и стрелки притаились за опрокинутыми вагонами и по команде катнули откупоренные бочки с порохом в сторону стены. А вслед за ними взметнулся огонь. Двор сотрясли взрывы, заполнив пространство дымом, камнями и окровавленными частями тел. Великан взвыл от боли, когда взрывом ему оторвало ноги, и рухнул на камни внутреннего двора. Корчась от боли, он пытался подняться, пока дюжина копий не проткнула ему череп.

Людендорф расхохотался, учуяв вонь палёной звериной плоти. Он вернёт свой город или сотрёт его с карты Империи в попытке, и цена не имела значения. Смех оборвался, когда его взгляд упал на Клинок Мясника. Нахмурившись, он покрепче сжал рукоять.

- Никакой жалости. Никакого раскаяния, - проворчал он. А затем со звоном скрестил мечи и проревел. -

Убейте их всех! - и его люди исполнили его приказ.

Ружья зарывали и засвистели стрелы, пронзая волосатую плоть. Воя и крича, твари скользили в собственной крови, несясь к людям, спеша вступить в битву. С вновь приобретённым мужеством, его солдаты атаковали зверей, выкрикивая хвалу Зигмару и Императору. И хоть никто из них не кричал его имя, Людендорфу было плевать. Пока они сражались, он был удовлетворён.

Зверолюды, прорвавшиеся сквозь его солдат, устремились к нему по лестнице дворца. Клинок Мясника мелькнул и врезался в голову первой твари, мгновенно прикончив её. Остановил тычок копьём Погибелью Гоблинов и пронзил брюхо зверолода клинком двоюродного брата, приколов нечистую тварь к одной из декоративных колонн, выстроившихся рядом с дверью. Высвободив его, он встретил удар очередного зверя, заблокировав удар его топора обоими клинками.

С ворчанием он свёл мечи вместе, отрезая топор от топорща. Зверолюд отшатнулся, обескураженный, но в следующее мгновение Людендорф уже спихнул его к подножию лестницы, к поджидавшим там копейщикам.

- Добейте это и присоединяйтесь к остальным, - проговорил он, стряхивая с меча кровь. Копья поднялись и опустились, оборвав вопль создания Хаоса.

Он спустился по лестнице и сквозь дым прошёл к своим войскам, снедаемый желанием схватиться со зверьми. Мгновение спустя его отвага была сметена прочь от неожиданности, когда воина подле него пронзило копьё и пришили к стене дома в кирпичной пыли и хлещущей крови. Людендорф обернулся и увидел знакомую фигуру. Со звериным рыком он обнажил зубы в жестокой усмешке.

Гортор выдернул копьё из тела человека и взмахнул над головой, словно топором.

- Людендорф! - взревел Гортор.

- Гортор! - рявкнул Людендорф, вращая мечами. - Нас прервали, животное! Решил сразиться перед смертью?

Гортор вскрикнул, словно дикий кот, и всё тело Владыки Зверей сотрясло от конвульсий. Клинок Мясника сплёл замысловатую петлю лишь затем, чтобы с мокрым шлепком быть пойманным ладонью Владыки Зверей. Гортор рванул оружие и, вместе с вцепившимся в него курфюрстом, отбросил прочь на скользкую от крови мостовую. Людендорф кашлянул, когда меч остановил своё скольжение. Он знал, что его рёбра были сломаны, и ощущал себя подобно проколотому бурдюку с водой.

- Боги требуют твоё сердце, «большой человек»! - прорычал Гортор, рванув вперёд. Его воины последовали за ним, словно волна, нахлынув на упавшего курфюрста, но Владыка Зверей выпотрошил первого же, осмелившегося подойти слишком близко. - Нет! Жертва Гортора! - всхрипнул он, зыркнув на своих воинов. Звери отшатнулись, их оружие застучало о грубые щиты в монотонном ритме. Гортор встряхнулся, довольный, что им более никто не мешает.

Людендорф закашлялся и приподнялся на ноги. Он был единственным человеком во дворе, кольцо зверей окружало его. Там ещё оставались солдаты на стенах, но они были слишком далеко, чтобы спасти его, даже если бы он желал этого. Он опёрся на руноклык и ждал, безумно ухмыляясь. - Жертва Гортора, хм? Откусил больше, чем смог проглотить, не так ли? - он сплюнул, рассмеявшись. - Ты попал в собственную ловушку, ты - тупое животное. А теперь, как и любое другое животное, ты тратишь время на борьбу, вместо того, чтобы бежать.

- Как и ты, - проревел Гортор, сверкнув глазами. Людендорф поперхнулся смехом и поднял меч, уязвлённый словами зверя.

- Заткнись, - сказал он. - Заткнись и бейся, мразь. Пусть боги решат, кто здесь больший дурак.

Гортор взвыл, и Пронзатель скользнул вперёд. Людендорф увернулся, и Погибель Гоблинов отсекала один из рогов Владыки Зверей. С рёвом Гортор развернулся и Пронзатель вспорол воздух, едва не сняв голову с плеч Людендорфа. Выборщик вновь увернулся, и клык снова мелькнул, вызвав новый визг боли из глотки Гортора.

- Это мой город! Моя территория! И это - земля твоей гибели, шавка, - прорычал Людендорф, делая изящный выпад, несмотря на боль в груди. Кончик лезвия вспыхнул, словно пламя, скользнув по ноге Гортора, и Владыка Зверей инстинктивно отступил. Он попятился, соткав Пронзателем стену между собой и этим лезвием. Оно бросалось на него, словно змея, жаля и разрывая его плоть быстрее, чем Гортор мог уследить за ним взглядом, и каждое его прикосновение вызывало приступ мучительной боли. - Хергиг мой! Хохланд мой! И я прикончу любого, кто попытается отнять их у меня! - крикнул Людендорф.

Словно обезумев, Гортор рванул вперёд, обрушив град ударов Пронзателем, и заставил выборщика пошатнуться. Людендорф поскользнулся на мокрых от крови камнях и, окончательно потеряв равновесие, упал. Отчаянно он попытался отползти от Гортора, но тот поставил копыто ему на грудь, вдавливая панцирь и прижимая выборщика к земле. Лезвие Пронзателя воткнулось в бок курфюрста, с шипением протыкая броню и плоть. Людендорф закричал от боли, когда его живот лопнул, словно перезрелая дыня.

- Теперь Гортора, - проворчал Гортор, пинком отбрасывая умирающего. Зверолюди разразились триумфальными воплями, рёвом и лаем, и Гортор, тяжело дыша, поднял копьё в победном жесте.

С наполнившимися кровью глазами, с грохотом его неровно бившегося сердца, стоящим в ушах, Людендорф поднялся на ноги. Кишки свободно повисли на руке, которой он зажимал распотрошённый живот, его пальцы вцепились в застёжки брони. Ему едва хватило сил, чтобы удержать меч, когда он, спотыкаясь, направился к огромному зверю, триумфально поднявшему над головой своё адское оружие.

Вложив в удар все оставшиеся силы до последней капли, он рубанул мечом по широкой спине зверолюда. Кость покрылась пузырями в ответ на прикосновение рунического клинка, и Гортор вскрикнул, словно раненый козёл. Волосатый кулак врезался в скулу выборщика, и земля устремила навстречу Людендорфу. Зверолюд встал над ним, прикрывая бок, пена наполам с кровью капала с его челюстей. Его тело трясло, словно охваченное лихорадкой.

- Сдохни! - проревел Гортор. Пронзатель опустился и, оправдывая своё имя, приколол выборщика к земле. Напрягшись, Гортор рывком поднял копьё и человека вверх, к небесам.

- Смерть для богов! - взвыл Гортор.

Людендорф, захлёбываясь собственной кровью, ухватил древко демонического оружия, пока то извивалось в его кишках. - Ты первый, - прохрипел он, рывком насаживая себя на всю длину Пронзателя. Предсмертная мука заволокла его сознание, рука, сжимавшая руноклык, налилась свинцом, когда курфюрст скользнул вниз.

Мгновение спустя голова Гортора отлетела прочь от его толстой шеи. Людендорф свалился на камни своего города, меч выскользнул из его ослабшей руки.

Огромная туша зверя сделала четыре нетвёрдых шага и опустилась на колени, кровь толчками выплёскивалась из обрубка шеи, когда тело упало на землю. Копьё с грохотом отлетело прочь, мрачные руны, выгравированные на его поверхности, потемнели. Микаэль Людендорф подполз к голове Владыки Зверей и схватил её, когда где-то взревели сотни торжествующих рогов. И звери побежали прочь, оставив вождей одних на площади.

Людендорф, умирая, вглядывался в остекленевшие глаза Гортора. Его губы шевелились, пытаясь произнести одно слово, но он не смог произнести ни звука. Телом он ощущал камни Хергига, дрожащие, когда рыцари Сияющего Солнца гнали зверей прочь из его города. Он услышал крики его людей, празднующих победу.

И никто не видел, как он умер.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Боги_требуют_/_The_Gods_Demand_\(рассказ\)&oldid=9354](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Боги_требуют_/_The_Gods_Demand_(рассказ)&oldid=9354)

Эта страница в последний раз была отредактирована 7 декабря 2019 в 11:28.